

Вступление

*Созидается же семья
неустанным трудом любви.*

Ф.М. Достоевский

Самое могучее и красивое дерево обязательно было когда-то тоненьким и хрупким. На его срезе ранний возраст навсегда отмечен первым колечком — это стержень всего ствола. Детство — это сердцевинная часть каждой жизни. Поэтому всё, что мы впитали в себя в первые годы, необыкновенно важно. Самое светлое и дорогое: святая ласка матери и доброта близких, которые согревали нас, рассказы, над которыми мы плакали в детстве, — помогут нам вынести все невзгоды и трудности. В лучшие, искренние минуты жизни — человек в любом возрасте ощущает себя простым, доверчивым, открытым, — понимает вдруг, что он — «родом из детства». Этими минутами мы все дорожим больше всего.

Государь Николай II и императрица Александра Феодоровна воспитали пятерых замечательных детей. Красота их душ восхищает нас и по сей день. Мы с любовью повторяем их имена: цесаревич Алексей, царевны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. В родной семье государыни было много детей. Старшие все делали для себя сами, были обучены хозяйству и рукоделию.

Но главное — их учили сострадать. Вместе с матерью они постоянно ездили в больницы, приюты, дома инвалидов... Приносили охапки цветов, делили на всех, букеты ставили у каждой кровати. Радовали тех, кого некому было порадовать, утешали больных своим детским лепетом.

Став многодетной матерью, получив от Бога ответственность за юные души, государыня писала в своем дневнике:

«Каждое сердце должно быть маленьким садом. Он должен всегда быть очищен от сорняков и быть полон чудных прекрасных растений и цветов. Кусочек сада повсюду красив не только сам по себе, но приносит радость всем, кто его видит... Богу угодно, чтобы мы сделали наши жизни такими, чтобы они искупили из мрака окружающее нас и преобразили в прекрасное. Предположим, что в этом саду и деревья, и цветы, и все растения ещё в объятиях зимы. Как это бывает перед приходом весны, деревья голые, но тысячи почек ждут только прикосновения тёплых солнечных лучей, чтобы распуститься живыми цветами. Кусты роз голые и колючие, и пока лишены красоты, но нужен только тёплый весенний воздух и тихий дождь, чтобы они оделись в чудесный наряд...

Разве это не напоминает также картину жизни многих людей? Разве не лежат наши дарования и наши молитвы в нераскрывшихся почках? Разве мы делаем в жизни лучшее, на что способны? Разве наши жизни так прекрасны, как они могли бы быть? Разве мы также помогаем другим людям, думаем о них и так добры к ним — как нам следовало бы? Мы не можем взрастить любовь в своих сердцах к другим без божественного вдохновения.

Прекрасные качества христианского характера — это не обычные добродетели. О них говорится как о плодах Духа. Ничто, кроме Любви Господа, не может пробудить в нас духовные силы и возможности...»

Дневник императрицы, посвящённый семье, открывает множество тайн о том, как создается семейное счастье. Недаром о царской семье говорили: «Это была самая святая и чистая семья...» Она по сей день является Небесной покровительницей каждой русской семьи.

«Царские дети были простые, открытые, глубоко правдивые, образованные, истинно религиозные... Они были горячие патриоты; обожали Россию и всё русское; между собой всегда говорили только по-русски и плохо говорили на иностранных языках. Воспитанием и образованием своих детей императрица заведовала лично. Государыня воспитала в них веру, силу духа и смирение, которые помогли им безропотно вынести дни заточения и принять мученическую смерть... Дети преклонялись перед своими родителями».

Из писем императрицы старшей дочери (1905 год, великой княжне Ольге десять лет). Ты у нас старшая и должна показывать другим, как себя вести. Учись делать других счастливыми, думай о себе в последнюю очередь. Будь мягкой, доброй, никогда не веди себя грубо или резко... Будь терпелива и вежлива, всячески помогай сестрам. Когда увидишь кого-нибудь в печали, старайся подбодрить солнечной улыбкой. Ты бываешь такой милой и вежливой со мной, будь такой же и с сестрами. Покажи своё любящее сердце. Прежде всего, научись любить Бога — всеми силами души, и Он

всегда будет с тобой. Молись Ему от всего сердца. Помни, что Он все видит и слышит. Он нежно любит своих детей, но они должны научиться исполнять Его волю... Нежно целую, моя любимая большая Ольга... Пусть Бог пребудет с тобой и хранит тебя Пресвятая Богородица.

Знаю детей и взрослых, которые переписали себе на память эти слова, чтобы никогда не забывать их и к ним возвращаться.

«Быть добрым — значит быть счастливым, — вот главная тайна жизни. — Александра Феодоровна была уверена в этой истине. — Постараться сделать счастливыми своих ближних — это путь и к собственному счастью... Сколько возможностей сделать хорошее мы упускаем, даже не сознавая ценности того, что упустили!»

Императрица посещала многих туберкулезных больных. Когда не могла идти сама, посылала дочерей. Ей часто с волнением говорили, что немислимо подвергать девочек такой опасности (в то время туберкулез был неизлечимой болезнью). «Они должны видеть в жизни не только красоту, но и печаль», — отвечала государыня.

Высокие душевные качества царских детей позволили им, вслед за матерью, стать сёстрами милосердия в тяжелые годы Первой мировой войны. Их души стремились служить, помогать больным и страждущим, как это было свойственно великой княгине Елисавете Феодоровне и её родной сестре — государыне.

А.А. Танеева: «Когда во время войны прибывали санитарные поезда, императрица и великие княжны делали перевязки, ни на минуты не присаживаясь с девяти часов утра до трех часов дня.

Во время тяжёлых операций раненные умоляли государыню побыть около них. Вижу её, как она утешает и ободряет их, кладёт руку на голову и молится с ними.

Императрицу боготворили, ожидали её прихода, стараясь дотронуться до её серого санитарного платья; умирающие просили её посидеть около кровати, поддержать им руку или голову, и она, невзирая на усталость, успокаивала их целыми часами».

Из письма государыни Николаю Александровичу: «Слава Богу за то, что мы имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим. Так хочется согреть и поддержать этих храбрецов и заменить им их близких...»

В своих письмах из ссылки Александра Феодоровна пишет, что она видела себя матерью России, матерью всех её людей...

С. Я. Офросимова: «Весь день великих княжон был посвящен раненым; им они отдавали всю любовь, всю ласку и заботу своих отзывчивых душ; жизнь раненых стала их жизнью, над ними они склонялись с глубокой любовью и нежностью, у их изголовий проливали слезы сострадания, из-за них часто не спали ночей, смертью кого-либо из них глубоко огорчались, выздоровлению радовались со всей силой своих впечатлительных душ. Не было ни одного солдата и офицера в их лазаретах, который не был бы ими обласкан и ободрен. Выписываясь из лазарета, каждый раненый уносил с собой какой-нибудь подарок, данный ему на память от всего сердца. Каждый увозил с собой самое светлое, самое радостное воспоминание о княжнах». Посещал госпитали и цесаревич Алексей.

По отзывам близких, наследник отличался большими способностями и учился шутя, как и великая княжна Ольга Николаевна, которая была замечательно умна и способна. «Алексей Николаевич, — вспоминал Пьер Жильяр, — был ребёнок умный и живой, сердечный и отзывчивый»...

Один из близких к нему учителей говорил: «В душе этого ребёнка не заложено ни одной скверной или порочной черты; душа его — самая добрая почва для всех добрых семян; если сумеют их насадить и взрастить, то Русская Земля получит не только прекрасного и умного государя, но и прекрасного человека».

В этой книге мы поместили былины, рассказы и сказки, так как их в детстве очень любил цесаревич. По его тайной просьбе, после вечернего благословения мамы в его комнату неслышно проходил солдат-сказочник из Сводного полка. Забравшись под кровать наследника, чтобы скрыться от внимательных родительских глаз, он часами рассказывал ему сказки и истории... Ещё совсем юным цесаревич любил слушать жития святых, которые читала ему мама. Она не доверила духовное образование сына блестящим учителям и занималась с ним исключительно сама.

Царские дети хорошо знали жития святых и были глубоко проникнуты их содержанием. Они любили читать и произведения русских писателей: А. П. Чехова, А. И. Куприна, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и других.

В своем воспитании государыня не стремилась вложить в детские умы как можно больше внешних знаний, хотя сама блестяще окончила университет и все царские дети получили прекрасное

образование. Она ставила своей целью взрастить в своих любимых детях стремление к правде и чистоте, милосердие, умение сочувствовать, сострадать, облегчать чужое горе. Глядя на красоту и гармонию, которыми отмечены облики святых царственных страстотерпцев, мы видим благородство и человечность высоких христианских душ. Воспитание этих качеств да послужит образцом воспитания в каждой православной семье.

Одному пастырю наших дней было откровение: у нашего государя — Николая II есть своя книга. Как Книга Жизни у Господа, в которой записаны имена всех, кто спасется. Так у царской семьи — своя книга. Она в золотом окладе и украшена драгоценными камнями. В ней записаны их верноподданные. Все, кто им не изменил тогда, не отрекся от них и сейчас. И тех они никогда не оставят.

Когда мы перечитываем рассказы о детстве царственных мучеников, мы всё глубже понимаем, какой красоты душу вложил в каждого человека Господь. Ведь твоя душа, или душа твоих мамы и отца, брата и сестры... — любого на земле человека — дороже для Бога, чем вся Вселенная, со всеми её звёздами и цветами. Как же мы должны дорожить своей душой, душами своими детей, чтобы они не испачкались, не запятнали свою дивную красоту. Чтобы достойно предстали перед своим Творцом и Владыкой в главный наш час.

Чем больше мы вдумываемся в эти истории детства, тем отчетливее видим, как близка и дорога всем нам царская семья. Великих заступников и покровителей имеем мы на Небе. Государя

и императрицу во все века на Святой Руси называли Батюшкой Царём и Матушкой Царицей. Ни в одной стране подобного невозможно было услышать. Государь, государыня и их дети, как при жизни своей, так и теперь, бесконечно любят свою Россию. Все мы — от мала до велика — продолжаем и сегодня оставаться для них самыми любимыми детьми.

Эта книга посвящается маленьким, юным и всем, кто останется детьми — до конца.

От составителя

Людия Запарина
Непридуманные
рассказы

Просфора

Мили мы очень небогато. Хлеб, и тот мачеха отрезала всегда сама и давала из своих рук к завтраку, обеду и ужину, и только чёрный, а белый лишь в праздники видали. Сахар получали по счету. Строго нас держали, и послушаться родителей я ни в чем не смела, только в одном им не подчинялась: в воскресенье на весь день убегала из дома.

Проснусь в воскресный день рано-рано (я в тёмной каморочке одна спала), пока ещё никто не вставал, оденусь, тихонечко из дома выскочу — и прямым сообщением в Кремль, в церковь к ранней обедне. И не думайте, что на конке, нет, денег у меня ни гроша, это я пешком отмериваю.

Отстою обе обедни, все молебны отслушаю, панихиды и начну по Кремлю из храма в храм бродить, жду, когда придет мне время идти

в Кадаши, там отец Николай Смирнов по воскресеньям устраивал для народа беседы с туманными картинами. Этого я уж ни за что не пропущу!

А есть, между тем, хочется — сил нет, но терпи! Домой вернешься — больше не выпустят. А ведь после туманных картин — как ты на акафист не останешься?! Или к отцу Иоанну Кедрову пойду, там-то уж совсем не уйдёшь — до того хорошо.

Вот после такого-то дня, едва ноги передвигая, и притащишься домой в одиннадцатом часу ночи. Постучишь тихонько-тихонько, мачеха выйдет, дверь откроет и только скажет:

— Опять допоздна доходила! Иди уж скорей! Я тебе под подушку две картошки и ломоть хлеба положила. Начнёшь есть — смотри не чавкай, чтобы отец не услышал. Он тебя весь день ругал и не велел кормить.

Справедливая была мачеха, хорошая, но строгая, конечно.

А один раз до того я наголодалась, что сил моих не было. А времени — только два часа дня. Вот и пришла я в Кремль в Вознесенский монастырь, там мощи преподобной Евфросинии лежали.

Стала я перед ними и прошу:

— Мати Евфросиния, сделай так, чтобы мне есть не хотелось.

Потом подошла к образу Царицы Небесной. А в храме — ни души, только монашки на солее убираются и никому из них меня не видно. Так вот, я к нему подошла, взобралась по ступенечкам, стала и молюсь:

— Царица Небесная, сделай так, чтобы не хотелось мне есть, ведь ещё долго ожидать, пока вечер наступит и я домой вернусь.

Помолилась (мне ведь тогда только двенадцать лет было), схожу по ступенечкам вниз и вижу, что рядом с образом стоит монахиня в мантии, высокая, красивая. Посмотрела она на меня и протянула мне просфору небольшую:

— На, девочка, скушай.

И тихо мимо меня прошла, только мантией зашуршала, и вошла прямо в алтарь. А я стою с просфорой в руках и от радости себя не помню. И надо ещё сказать, что таких просфор я не только никогда в руках не держала, но и не видывала. Какую я могла редко-редко купить? За две копейки маленькую, их пекли целой полосой и потом ножом отрезали.

Ну, пошла я, набрала в кружку святой воды и здесь в церкви в уголочек забралась, да всю просфору с водицей-то и уписала. И думаю я, что дала мне её сама преподобная Евфросиния.

Вексель

Девочку звали Сарой, она была дочерью очень богатых евреев. Кроме неё было ещё пять человек детей. Семья жила в провинции. Отец был крутого нрава, и дети его очень боялись, боялась его и жена.

Однажды отец вышел из дома, собираясь отправиться по какому-то делу, и сунув руку в карман пиджака, вынул вчетверо сложенную бумагу.

— Эх, не хочется возвращаться! — сказал он. — Сара, возьми этот документ, он очень важный, и отнеси в мой кабинет, — позвал он пробежавшую мимо него дочь. — Положи на письменный стол и придави книгой. Да не потеряй, а то голову оторву! — крикнул он вдогонку.

Сара положила бумагу в карман платья и только было направилась к кабинету, как её позвала старшая сестра посмотреть, какую ей подарил жених шляпку. Посмотрев подарок, Сара увидела в окно, что во дворе собрались дети соседей и готовится интереснейшая игра. Забыв обо всём, она присоединилась к играющим. Бумага лежала в её кармане, и она прыгала и играла до позднего вечера. Сброшенное ею на ночь платье горничная отнесла в стирку, а утром дала ей другое.

Садясь за чайный стол, отец удивленно спросил Сару:

— Где та бумага, которую я тебе вчера дал?
Только сейчас Сара вспомнила о ней.

Начались поиски, но Сара хорошо знала, что они бесполезны: бумага была в кармане её платья, и она её не вынимала, а потом платье взяли в стирку. Несомненно, бумага размокла, и её выбросили. Трясаясь от страха, она во всем призналась отцу. Он посмотрел на нее и жёстко сказал:

— Это был вексель на десять тысяч рублей. Через две недели я должен его опротестовать. Мне нет дела до того, что его нет, он должен быть. Достань где угодно... или...

Сара закрыла глаза от ужаса. Отец никогда не грозил зря.

Начались дни бесцельных поисков и мук. Вначале этими поисками были заняты все в доме, но, поняв их бесполезность, — оставили. Сара потеряла сон и аппетит. Она перестала играть с детьми, пряталась от всех в дальних уголках огромного сада.

Охотней всего она сидела в том месте, где их участок соприкасался с небольшим двором старой русской женщины. Та жила одна в бедной хибарке, хозяйства у неё не было, бегала только пёстрая кошка, и весело зеленел огород. Качали ветками три яблони, и пышно раскинулись кусты смородины. Женщина постоянно была занята делом на своём убогом дворе, но часто оставляла работу и, встав во весь рост, молилась. Её доброе лицо во время молитвы делалось ещё добрее, часто слезы текли из глаз, она не замечала их, а только осеняла себя крестом. Сара в заборную щель наблюдала за ней, и когда женщина молилась, Саре делалось вдруг легко и радостно; страх перед отцом уходил, но вот женщина кончала молитву, и снова страшные мысли овладевали Сарой, и она шла на речку искать на её берегах место, откуда броситься в воду.

Как-то, когда было особенно тяжело, Сара пришла в заветный угол сада и, повторяя движения женщины, попробовала молиться сама. Она не знала, как это делать, и неумело крестясь, твердила:

— Русский Бог, помоги мне.

Потом она начала Ему жаловаться на своё несчастье и снова просила помочь. Так она начала делать каждый день, что, однако, не мешало ей продолжать ходить на речку, где она предполагала окончить свою жизнь, так как расправа отца была для нее страшнее смерти.

Прошло две недели. Наступило утро рокового дня. Сара не спала ни одной минуты, и как только рассвело, она оделась, оглядела спавших с ней в одной комнате сестёр и тихо вышла из дома.

Солнце только поднималось, во дворе не было ни души, в такую рань все ещё спали. Последний раз оглянувшись Сара на родной богатый дом, на сад, на большой двор, весь в надворных постройках, и пошла к калитке. Отбросив засов, решительно взялась за ручку.

Что это? В ручку продета свернутая вчетверо бумага. Сара вынула её и машинально развернула. Вексель... Неужели это тот, что отец дал ей две недели тому назад?! Но ведь он размок в кармане её платья, и его выбросили! Как же он мог попасть сюда?

Забыв страх перед отцом, забыв всё на свете, Сара с криком бросилась в спальню родителей.

Всклокоченный, ещё не очнувшийся от сна, отец выхватил из её рук бумагу.

— Вексель, тот самый вексель! — закричал он на весь дом. — Где ты его взяла?

Трясаясь всем телом, Сара рассказала. Отец опять принялся рассматривать документ. Всё правильно, ни к чему нельзя придраться, только он чем-то неуловимым отличается от пропавшего: как будто другая бумага, иной почерк.

В доме все проснулись и сбежались в спальню, радостные и возбужденные. Только Сара не радовалась со всеми. Новое чувство чего-то великого и непонятого переполняло её душу. Она опять ушла в свой уголок в саду.

— Это сделал Ты, русский Бог, — шептала она, ей не хотелось идти домой, а хотелось сидеть здесь в тишине и думать об этом необыкновенном Боге, Который пожалел её и сотворил чудо.

Днём отец Сары опротестовал вексель и получил деньги. В доме было весело и шумно.

После этого события Сара очень изменилась. Она стала серьезнее, молчаливее. Мысль о русском Боге не давала покоя. Но она знала, что для того, чтобы стать к Нему ближе, надо креститься. Набравшись смелости, она пошла к священнику и попросила окрестить её.

Священник отказался:

— Вы, барышня, ещё несовершеннолетняя, и без согласия родителей я не имею права это сделать.

Рассерженная Сара пошла к другому священнику и тоже получила отказ, отказал и третий.

Легко им было говорить — согласие родителей. Сара прекрасно понимала, что если бы она заговорила об этом с ними, то в ответ последовали бы только проклятия. Отец и мать были ревностные иудеи, дед был раввином. Семья родителей была одна из самых уважаемых и богатых в городе, отец постоянно жертвовал на синагогу, и в доме у них жили, строго выполняя все требования иудейской веры.

В волнениях и тайных молитвах к русскому Богу прошёл год. От подруги Сара узнала, что недалеко от их города есть женский монастырь.

— Поезжай туда и проси игуменью, чтобы тебя окрестили, — советовала подружка.

Сара решила идти на этот шаг и порвать все отношения с семьей. «Мне скоро шестнадцать лет, я не ребёнок, проживу как-нибудь, Бог поможет».

Собрав все свои деньги (отец давал иногда) и кое-какие вещи, Сара ночью убежала на вокзал. Доехав до нужной ей станции (монастырь находился в нескольких километрах от железной дороги), Сара пешком пошла в монастырь. Она боялась, что если начнёт нанимать извозчика, то это обратит на нее внимание, а как пройти в обитель, подруга ей рассказала, так как не раз бывала там с бабушкой.

В пути Саре повезло: попались богомолки, шедшие туда же, они ей указали и как пройти к матушке игуменье.

С бьющимся сердцем переступила Сара порог игуменских покоев. Молодая послушница, с любопытством оглядев её, пошла доложить матушке.

От волнения Сара не могла стоять.

— Боже, помоги! Боже, помоги! — шептала она, повернувшись лицом к образу.

Не слышала она за своей молитвой, как открылась дверь, вошла матушка и, остановившись, принялась рассматривать пришедшую. Наконец под её пристальным взглядом Сара обернулась, протянула ей руки и с плачем упала в ноги.

Долго разговаривала с ней игуменья. Рассказ Сары тронул её чуткое сердце. Но самостоятельно решить вопрос о её крещении она не могла. Оставив девушку в своих покоях, игуменья немедленно поехала к епископу.

Епископ был горячий и решительный.

— Крестите, мать, девушку и оставляйте у себя, а то дома её со свету сживут. Делайте всё без огласки. Если родные приедут, девушку не отдавайте, грозить станут — посылайте ко мне.

Так и сделали, как сказал владыка, и родным, когда они приехали за Сарой, ответили так, как было велено.

Прошли годы.

Сара никуда не уезжала из приютившего её монастыря, а вступила в число сестёр обители и пошла трудным монашеским путём.

Умерла она схимонахиней (прожив в схиме много лет), передала этот рассказ одному свя-

щеннику, который рассказал его моему знакомому, а тот — мне.

Детское горе

Сижу, уткнувшись в нянино плечо, и плачу. А по всему дому разносится мощный баритон отца, который что-то выговаривает матери; она отвечает ему сердитым звенящим голосом.

Всё в нашем большом доме стихло, все притаились, как во время сильной грозы.

— Господи, и когда же они перестанут ссориться? — вздыхает няня. — Не плачь, солнышко! Разве господа первый раз так громко бранятся? Пора привыкнуть. Вон, смотри, как хорошо дети играют в саду, иди к ним.

— Они маленькие, ничего не понимают, а мне тринадцать лет, я знаю, как ужасно, когда папа ссорится с мамой.

— Ну, ты с малых лет не выносила их ссор и всегда принималась плакать, — вспоминает няня и гладит мою голову. — Слышишь, тихо стало. Видно, барин ушёл на свою половину.

— Что из того, что ушёл, завтра всё начнется снова, ведь две недели они ссорятся, не переставая.

Но всё-таки я выхожу в сад. По дороге слышу, как горничная говорит лакею:

— Опять господа каждый у себя обедать будут, а дети — с гувернанткой. И как им не опротивеет такая жизнь?!

Я ускоряю шаг, спасаясь от этих мучительных пересудов, и думаю: «Почему мама и папа в вечной войне?» Мама очень красивая и молодая, папа гораздо старше её, не такой красивый, но зато он известный на всю Россию адвокат, его выступления печатают в газетах; он добрый, умный, его все любят, а мы — дети — обожаем. Несмотря на занятость, он всегда интересуется нашими делами. Любит собирать нас около себя и рассказывать о Христе. Как он необыкновенно говорит о Нём! Когда начинаются такие беседы, вся прислуга потихоньку собирается у закрытой двери, чтобы послушать о Господе. Некоторые даже плачут, это няня говорила. Папа часто ходит в церковь, водит туда нас и радуется, когда в нашем доме бывает духовенство.

Мама не в восторге от такого общества, ей нравятся балы, приемы. Я стараюсь не пропустить тот момент, когда она в бальном платье с длинным шлейфом выходит в гостиную, где отец во фраке уже поджидает её, чтобы вместе ехать на бал или в театр. Она тогда бывает особенно красивая. А потом родители вдруг ссорятся, и все мы от этого мучаемся.

Вечер. У мамы гости, кто-то играет на рояле, а папа после ссоры уехал в Петербург. Нам хорошо здесь, в имении. Сейчас лето, в гимназию ходить не надо, развлечений много. А папа каждое утро

уезжает в город к себе в контору или в суд и возвращается только к вечеру, усталый и бледный.

Ложусь в постель, но засыпаю только после того, как под нашими окнами останавливается экипаж. Это вернулся папа. На сердце сразу приходит покой.

Под утро вижу сон. Проснувшись, сижу на кровати. Сон такой, что не могу прийти в себя. Его можно рассказать только папе. Быстро принимаюсь за одевание.

— Наша соня начала просыпаться с курами. Что случилось? — удивляется няня. — И куда ты бежишь, не помолившись Богу?

— Сейчас вернусь, — кричу я и вырываюсь из её старых рук.

Тихонько царапаюсь в папину дверь, она открывается.

— Папочка, можно?

Не поднимая головы, он молча протягивает мне свободную руку. Подбегаю к нему, сажусь на колени и целую его в губы, в глаза, в лоб. Ах, как я люблю тебя, папа!

Расцеловав меня, он внимательно смотрит в мои глаза:

— Что-то случилось?

— Да.

— Говори, я слушаю.

Прижимаюсь головой к его груди и начинаю:

— Мне приснился сейчас необыкновенный сон. Помнишь, ты нам рассказывал о катакомбах, в которых скрывались первые христиане?

— Помню.

— Так вот, мне снится, будто я нахожусь в них. Иду одна, никого нет, полутьма, и мне страшно. Вхожу в большой зал и вижу на тёмной стене, в круге яркого голубоватого сияния, лицо Христа. Я думаю, что это картина, и подхожу поближе, чтобы рассмотреть, но останавливаюсь, пораженная, потому что это не картина, а лицо живого Господа. Мне делается очень страшно, только страх быстро проходит, и вместо него — такая радость, что мне хочется позвать тебя, маму, всех наших, чтобы все радовались, но я быстро забываю про вас и все смотрю и смотрю на Господа... Не могу рассказать, какой Он, лицо Его было таким светлым, что я с трудом смотрела, хорошо видны были только Его глаза, синие, синие, но не такие, как васильки, или небо, и не как море. По-особенному синие, и такие добрые, и печальные, что мне захотелось плакать. Вдруг Господь сказал: «Проси у Меня, чего хочешь». Я упала на колени и попросила: «Господи, сделай так, чтобы папа с мамой никогда не ссорились».

Руки отца, крепко обнимавшие меня, дрогнули.

— Господь ничего не ответил, только продолжал смотреть на меня Своими необыкновенными печальными глазами. Потом лицо Его стало таять, как облако, а я проснулась и скорее побежала к тебе.

Отец молчит; я чувствую, что он волнуется. Он целует меня в макушку, спускает с колен и, не

говоря ни слова, выходит из кабинета. Я бегу за ним, но он идёт на половину матери.

Прижимаюсь в коридоре к стене и со страхом жду, что теперь будет. Тихо... Потом вижу, что горничная несёт в мамин будуар её любимый кофейный сервиз на две персоны. Это значит, что папа будет пить кофе у мамы. Помирились! Господи, слава Тебе!.. После этого случая ссоры между родителями возникали реже и быстро кончались примирением.

Николай Тарин-Михайловский

Тёма и Жучка

Жочь. Тёма спит нервно и возбужденно... неясный полусвет ночника слабо освещает четыре детских кроватки и пятую большую, на которой сидит теперь няня в одной рубашке, с выпущенной косой, сидит и сонно качает маленькую Аню.

— Няня, где Жучка? — спрашивает Тёма.

— И-и, — отвечает няня. — Жучку в старый колодец бросил какой-то ирод. — И, помолчав, прибавляет: — Хоть бы убил сперва, а то так, живём... Весь день, говорят, визжала, сердечная...

Тёме живо представляется старый, заброшенный колодец в углу сада, давно превращенный в свал всяких нечистот, представляется скользкое жидкое дно его, которое иногда с Иоськой они любили освещать, бросая туда зажжённую бумагу.

— Кто бросил? — спрашивает Тёма.

— Да ведь кто? Разве скажет!

Тёма с ужасом вслушивается в слова няни. Мысли роем теснятся в его голове, у него мелькает масса планов, как спасти Жучку, он переходит от одного невероятного проекта к другому и незаметно для себя снова засыпает. Он просыпается опять от какого-то толчка среди прерванного сна, в котором он всё вытаскивал Жучку какой-то длинной петлей. Но Жучка всё обрывалась, пока он не решил сам лезть за нею. Тёма совершенно явственно помнит, как он привязал веревку к столбу и, держась за эту веревку, начал осторожно спускаться по срубам вниз; он уже добрался до половины, когда ноги его вдруг соскользнули, и он стремглав полетел на дно вонючего колодца. Он проснулся от этого падения и опять вздрогнул, когда вспомнил впечатление падения.

Сон с поразительной ясностью стоял перед ним. Через ставни слабо брезжил начинающийся рассвет.

Тёма чувствовал во всём теле какую-то болезненную истому, но, преодолев слабость, решил немедленно выполнить первую половину сна. Он начал быстро одеваться...

Одевшись, Тёма подошёл к няниной постели, поднял лежавшую на полу коробочку с серными спичками, взял горсть их к себе в карман, на цыпочках прошёл через детскую и вышел в столовую. Благодаря стеклянной двери на террасу здесь было уже порядочно светло.

В столовой царил обычный утренний беспорядок: на столе стоял холодный самовар,

грязные чашки. Тёма подошел к отдельному столику, на котором лежала кipa газет, осторожно выдернул из середины несколько номеров, на цыпочках подошел к стеклянной двери и тихо, чтобы не произвести шума, повернул ключ, нажал ручку и вышел на террасу.

Его обдало свежей сыростью рассвета.

День только что начинался. По бледному, голубому небу там и сям, точно клочьями, повисли мохнатые, пушистые облака. Над садом легкой дымкой стоял туман. На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке...

Тёма пошёл по главной аллее, потому что в каретнике надо было взять для петли вожжи. Что касается до жердей, то он решил выдернуть их из беседки...

Очутившись в сарае, он взял двое вожжей и захватил на всякий случай длинную веревку, служившую для просушки белья.

При взгляде на фонарь он подумал, что будет удобнее осветить колодец фонарём, чем бумагой, потому что горящая бумага может упасть на Жучку — обжечь её.

Выбравшись из сарая, Тёма избрал кратчайший путь к беседке — перелез прямо через стену, отделявшую чёрный двор от сада. Он взял в зубы фонарь, намотал на шею вожжи, подвязался верёвкой и полез на стену.

Взобравшись наверх, он на мгновение присел, тяжело дыша, потом свесил ноги и нахло-

нился, чтобы выбрать место, куда прыгнуть. Он увидел под собой сплошные виноградные кусты и только теперь спохватился, что его всего забрызгает, когда он попадёт в свеженамоченную листву. Он оглянулся было назад, но, дорожа временем, решил прыгать. Эта холодная ванна мгновенно освежила его, и он почувствовал себя настолько бодрым и здоровым, что пустился рысью к беседке, взобрался проворно на горку, выдернул несколько самых длинных прутьев и большими шагами по откосу горы спустился вниз...

Подбежав к отверстию старого, заброшенного колодца, пустынно торчавшего среди глухой, поросшей только высокой травой местности, Тёма вполголоса позвал:

— Жучка, Жучка!

Тёма замер в ожидании ответа.

Сперва он ничего, кроме биения своего сердца да ударов молотков в голове, не слышал. Но вот откуда-то издалека, снизу, донесся до него жалобный, протяжный стон. От этого стона сердце Тёмы мучительно сжалось, и у него каким-то воплем вырвался новый громкий оклик:

— Жучка, Жучка!

На этот раз Жучка, узнав голос хозяина, радостно и жалобно завизжала.

Тёму до слез тронуло, что Жучка его узнала.

— Милая Жучка! Милая, милая, я сейчас тебя вытащу! — кричал он ей, точно она понимала его.

Жучка ответила новым радостным визгом, и Тёме показалось, что она просила его поторопиться с исполнением обещания.

— Сейчас, Жучка, сейчас, — ответил ей Тёма и принялся с сознанием всей ответственности принятого на себя обязательства перед Жучкой выполнять свой сон.

Прежде всего, он решил выяснить положение дела. Он почувствовал себя бодрым и напряженным, как всегда.

Болезнь куда-то исчезла. Привязать фонарь, зажечь его и опустить в яму было делом одной минуты.

Тёма, наклонившись, стал вглядываться.

Фонарь тускло освещал потемневший сруб колодца, теряясь всё глубже и глубже в охватившем его мраке, и, наконец, на трехсаженной глубине осветил дно.

Тонкой глубокой щелью какой-то далекой панорамы мягко сверкнула перед Тёмой в бесконечной глубине мрака неподвижная, прозрачная, точно зеркальная, гладь вонючей поверхности, тесно обросшая со всех сторон слизистыми стенками полусгнившего сруба.

Каким-то ужасом смерти пахнуло на него со дна этой далекой, нежно светившейся страшной глади. Он точно почувствовал на себе её прикосновение и содрогнулся за свою Жучку. С замиранием сердца заметил он в углу черную шевелившуюся точку и едва узнал, вернее, угадал в этой беспомощной фигурке свою некогда резвую,

весёлую Жучку, державшуюся теперь на выступе сруба. Терять времени было нельзя. От страха, хватит ли у Жучки силы дождаться, пока он всё приготовит, у Тёмы удвоилась энергия. Он быстро вытащил назад фонарь, а чтобы Жучка не подумала, очутившись опять в темноте, что он её бросил, Тёма во всё время приготовления кричал:

— Жучка, Жучка, я здесь!

И радовался, что Жучка отвечает ему постоянно тем же радостным визгом. Наконец всё было готово. При помощи вожжей фонарь и два шеста с перекладиной внизу, на которой лежала петля, начали медленно спускаться в колодец.

Но этот так обстоятельно обдуманый план потерпел неожиданное и непредвиденное фиаско благодаря стремительности Жучки, испортившей всё.

Жучка, очевидно, поняла только одну сторону идеи, а именно, что спустившийся в колодец снаряд имел целью её спасение, и поэтому, как только он достиг её, она сделала попытку схватиться за него лапами. Этого прикосновения было достаточно, чтобы петля бесполезно соскочила, а Жучка, потеряв равновесие, свалилась в грязь. Она стала барахтаться, отчаянно визжа и тщетно отыскивая оставленный ею выступ.

Мысль, что он ухудшил положение дела, что Жучку можно было ещё спасти, и теперь он сам виноват в том, что она погибнет, что он сам устроил гибель своей любимице, заставляет Тёму, не

думая, благо план готов, решиться на выполнение второй части сна — самому спуститься в колодец.

Он привязывает вожжи к одной из стоек, поддерживающих перекладину, и лезет в колодец. Он сознает только одно: что времени нельзя терять ни секунды.

Его обдаёт вонью и смрадом. На мгновение в душу закрадывается страх, как бы ни задохнуться, но он вспоминает, что Жучка сидит там уже целые сутки; это успокаивает его, он спускается дальше. Он осторожно щупает спускающейся ногой новую для себя опору и, найдя её, сначала пробует, потом твёрдо упирается и спускает следующую ногу.

Добравшись до того места, где застряли брошенные жердь и фонарь, он укрепляет покрепче фонарь, отвязывает конец вожжи и спускается дальше. Вонь всё-таки даёт себя чувствовать и снова беспокоит и пугает его. Тема начинает дышать ртом. Результат получается блестящий: вони нет, страх окончательно улетучивается.

Снизу тоже благополучные вести. Жучка, опять уже усевшаяся на прежнее место, успокоилась и весёлым попискиванием выражает сочувствие безумному предприятию.

Это спокойствие и твёрдая уверенность Жучки передаются мальчику, и он благополучно достигает дна.

Между ним и Жучкой происходит трогательное свидание друзей, не чаявших уже больше свидеться в этом мире. Он наклоняется, гладит

её; она лижет его пальцы, и так как опыт заставляет её быть благоразумной — она не трогается с места, но зато так трогательно, так нежно визжит, что Тема готов заплакать...

Не теряя времени, он, осторожно, держась зубами за изгаженную вожжу, обвязывает свободным её концом Жучку, затем поспешно карабкается наверх.

Жучка, видя такую измену, подымает отчаянный визг, но этот визг только побуждает Тёму быстрее подниматься.

Но подниматься труднее, чем спускаться! Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Тёмы уже мало. Он судорожно ловит в себя всеми легкими воздух колодца, рвётся вперед, и чем больше торопится, тем скорее оставляют его силы.

Тёма поднимает голову, смотрит вверх, в далекое ясное небо, видит где-то высоко над собою маленькую весёлую птичку, беззаботно скачущую по краю колодца, и сердце его сжимается тоской: он чувствует, что не долезёт.

Страх охватывает его. Он растерянно останавливается, не зная, что делать: кричать, плакать, звать маму? Чувство одиночества, бессилия, сознания гибели закрадываются в его душу...

— Не надо бояться, не надо бояться! — говорит он дрожащим от ужаса голосом. — Стыдно бояться! Трусы только боятся. Кто делает дурное — боится, а я дурного не делаю: я Жучку вытаскиваю, меня и папа, и мама за это похвалят. Папа на войне был, там страшно, а здесь разве

страшно? Здесь ни капельки не страшно. Вот отдохну и полезу дальше, потом опять отдохну и опять полезу, так и вылезу, потом и Жучку вытащу. Жучка рада будет, все будут удивляться, как я её вытащил.

Тёма говорит громко, у него голос крепнет, звучит энергичнее, твёрже, и, наконец, успокоенный, он продолжает взбираться дальше.

Когда он снова чувствует, что начинает уставать, он опять громко говорит себе:

— Теперь опять отдохну и потом опять полезу. А когда я вылезу и расскажу, как я смешно кричал сам на себя, все будут смеяться, и я тоже.

Тёма улыбается и снова спокойно ждёт прилива сил.

Таким образом, незаметно его голова высывается, наконец, над верхним срубом колодца. Он делает последнее усилие. Вылезает сам и вытаскивает Жучку.

Теперь, когда дело сделано, силы быстро оставляют его.

Почувствовав себя на твёрдой почве, Жучка энергично встряхивается, бешено бросается на грудь Тёмы и лижет его в самые губы. Но этого мало, слишком мало для того, чтобы выразить всю благодарность, — она кидается ещё и ещё. Она приходит в какое-то безумное неистовство.

Тёма бессильно, слабеющими руками отмахивается от неё, поворачиваясь к ней спиной, надеясь этим маневром спасти хоть лицо от липкой, вонючей грязи.

Занятый одной мыслью — не испачкать об Жучку лицо, Тёма ничего не замечает, но вдруг его глаза случайно падают на кладбищенскую стену, и Тёма замирает на месте.

Он видит, как из-за стены медленно поднимается чья-то чёрная, страшная голова.

Напряжённые нервы Темы не выдерживают, он испускает неистовый крик и без сознания валится на траву к великой радости Жучки, которая теперь уже свободно, без препятствий, выражает ему свою горячую любовь и признательность за спасение.

Еремей (это был он), подымавшийся со свеженакошенной травой со старого кладбища, увидев Тёму, сообразил, что надо спешить к нему на помощь.

Через час Тёма, лежа на своей кровати с ледяными компрессами на голове, пришёл в себя.

Хромая собака

(сочинение цесаревича Алексея)

Ваня возвращался из школы. Ученье прошло у него хорошо, и он весёлый спешил домой. Он с особым вниманием и радостью смотрел по сторонам. Вдруг услышал он жалобный писк и, обернувшись, заметил, что прошёл мимо собаки, которая лежала посреди дороги и лизала свою левую заднюю лапу. Он тотчас подбежал к ней и, разглядев на ней рану, перевязал её своим платком. Собака показалась Ване очень жалкой и худой. Он захотел её накормить и позвал за собой. Хромая на одну ногу, она покорно поплелась за ним.

Через три недели Тузик, — так назвал Ваня свою собаку, — окончательно оправился и очень привязался к своему хозяину. Он всегда выбегал навстречу ему, когда Ваня возвращался из школы, и, прыгая вокруг него, сопровождал его до дому. Дорога из школы лежала мимо речки Змейки, которая протекала на краю деревни. Часто Ваня со своими товарищами останавливался

на берегу Змейки, и все вместе смотрели, как ползают раки, которыми эта речка была богата.

Однажды, когда Ваня и товарищи возвращались из школы мимо речки, они заметили рака в воде так близко от берега, что им захотелось поймать его руками. Младший из друзей, Вася, уже начал разуваться, когда Ваня, желая опередить его, стал быстро спускаться по довольно крутому откосу. Вдруг он поскользнулся и через мгновение оказался по горло в воде.

За ним поплыл его картуз, соскочивший с него при падении.

Ваня барахтался в воде и, крича, протягивал руку к своим друзьям. Но те, боясь тоже попасть в реку, повернувшись к деревне, стали не своим голосом звать на помощь. Между тем Тузик, только что подбежавший к берегу с поля, по которому он с восторгом носился, увидав своего хозяина в воде, тотчас бросился за ним.

В тот же миг Ваня погрузился с головой.

Пока Вася, обернувшись к реке, молил Бога о спасении своего друга, а третий из товарищей побежал к деревне, продолжая звать на помощь, Тузик, схватив утопающего за рубашку, спокойно вытащил его на берег. Вася помог Ване вскарабкаться по откосу и стащить намокшие сапоги.

В это время к ним подбежали ещё два мальчика. Один из них был Ванин брат, Миша, который часто выходил своему старшему брату навстречу, но на этот раз опоздал и встретил только Ваниного товарища: он в наказание был задержан

в школе на полчаса за то, что подсыпал учителю в чернила вонючего порошка, а остальные ученики его класса были распущены раньше времени. Они оба обрадовались, увидев Ваню спасённым, и стали расспрашивать его о том, что с ним случилось. Его все слушали с интересом, а он, рассказывая, обнимал и с благодарностью ласкал Тузика.

Так отблагодарила хромая собака за Ванину доброту.

Алексей Романов.

25 мая 1917 года

Содержание

Вступление.....	5
Вольга и Микула.....	15
Голубиная книга.....	18
Исцеление Ильи Муромца.....	19
Величание земли Русской.....	23
<i>Елена Ерофеева</i>	
Родина.....	24
<i>Ганс Христиан Андерсен</i>	
Снежная королева	25
<i>Дмитрий Мордовцев</i>	
В римском цирке.....	70
Великодушная.....	77
Вера, Надежда, Любовь	80
Кирик и Иулитта.....	87
<i>Борис Никонов</i>	
Легенда о рождественских розах.....	93

<i>Фёдор Достоевский</i>	
Мальчик у Христа на ёлке	96
<i>Лидия Запарина</i>	
Непридуманные рассказы.....	101
<i>Николай Гарин-Михайловский</i>	
Тёма и Жучка	116
<i>Хромая собака</i>	
(сочинение цесаревича Алексея)	127
<i>Елена Ерофеева</i>	
Детство.....	131
<i>Елена Ерофеева</i>	
Каштан.....	134
<i>Владимир Короленко</i>	
Дети подземелья	144
<i>Александр Куприн</i>	
Белый пудель	196
<i>Антон Чехов</i>	
Каштанка.....	246
<i>Иеродиакон Никон (Муразов)</i>	
Сила креста	278
<i>Монахиня Серафима</i>	
(<i>Антонина Михайловна Осоргина</i>)	
Серёжик Старк.....	284
Письмо Иеромонаха Софрония (Сахарова).....	320
<i>Ганс Христиан Андерсен</i>	
Ангел	322

Детские воспоминания о преподобном Серафиме	327
Святые Царственные мученики.....	345
<i>Илья Сургучёв</i>	
Детство императора Николая II Из воспоминаний полковника В.К. Олленгрена.....	350
<i>С.Я. Офросимова</i>	
Царская семья	380
<i>Елена Ерофеева</i>	
Цесаревич Алексей.....	412
<i>Елена Неволлина</i>	
Матушка Надежда.....	443
<i>Иван Никитин</i>	
Молитва.....	463
Заключение.....	465
«Наполните любовью свои дни...»	469
<i>Алексей Мысловский</i>	
Небесный Ангел.....	473
Литература	475

